

Опыт преподавания художественного перевода школьниками  
в Школе юного филолога имени Л.М. Баш

Мария М. Громова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва*

В мае 2016 г. мы, две преподавательницы ШЮФ – японистка Мария Цой, аспирантка ИСАА, и Мария Громова, недавно окончившая аспирантуру по специальности «славянские языки» на филологическом факультете МГУ, познакомились на традиционном преподавательском чаепитии и задумали открыть с октября переводческий семинар для учащихся 8–11 классов. К тому времени мы уже несколько лет практиковались в художественном переводе и хотели поделиться профессиональными радостями с юными филологами.

Наша идея не встретила горячей поддержки у руководства ШЮФ. Мы и сами понимали, что школьники в большинстве не настолько хорошо владеют английским (иностранном языком по умолчанию), чтобы можно было ожидать от них более-менее самостоятельной переводческой работы. Но разве должно недостаточное владение одним-единственным иностранным языком, в силу политических и экономических причин ставшего в наше время международным, закрывать путь к радостям художественного перевода? Подстрочник – наше всё! Ведь самое важное для переводчика – в совершенстве владеть родным языком, а остальное приложится. Верно и обратное: когда мы переводим, копаемся в ворохе синонимов, ищем, как лучше передать мысль и звучание оригинала, – мы лучше узнаем свой родной язык, развиваем чувство стиля.

«Неважно, с какого языка переводить, если не знаешь ни одного!» – заявили мы и перебрали языки, которые к тому времени были у нас в активе. Словенский, болгарский и старославянский, японский и старояпонский, английский, французский, немного – корейский, хорватский, македонский... Есть где разгуляться.

С теоретической базой все было понятно сразу: «Высокое искусство» и «Живой как жизнь» Корнея Чуковского, «Слово живое и мертвое» Норы Галь, «В лаборатории редактора» Лидии Чуковской. Но меньше всего нам хотелось вести этот курс в формате

лекций, на которых непреложные истины богоподобных теоретиков заливаются в уши восторженно внимающих слушателей. Мы-то, конечно, их читаем и перечитываем, иногда можно и побаловать учеников особо хлестким фрагментом в качестве домашнего чтения, но пусть лучше до всего доходят сами, на практике.

А практики на нашем семинаре было достаточно.

Оказывается, существует целых три русских перевода «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера. Чем они различаются и почему оригинал все равно ускользает от переводчиков? Сравнив оригинал с переводами Р. Райт-Ковалёвой, С. Махова, М. Немцова, мы поняли, что переводить нужно не отдельные слова, а *языковую личность персонажа* – то есть сначала представлять у себя в голове, каков он и как говорит, а потом уже переводить, иначе ничего не получится: перевод просто расплзется.

Что такое сленг и отчего он так быстро устаревает? Мы познакомились с молодежным сленгом 1940-х (В. Шефнер «Сестра печали»), середины 1920-х (Н. Огнев «Дневник Кости Рябцева») и середины 1910-х (Н. Островский «Как закалялась сталь»). Если переводить сленг сленгом, через пятьдесят лет читателю уже мало что понятно. А если переводчик уже пожилой и использует в переводе сленг времен своей юности, да еще и не помнит его как следует?

На том же переводческом материале мы постарались донести до учеников идею о том, что нужно непременно представить себе обстановку, в которой находятся герои произведения, *увидеть картинку* и переводить именно ее. Как и в случае с языковой личностью персонажа: если картинка не складывается в голове у переводчика – и читатель не сможет себе ее представить. К счастью, сейчас у нас есть карты и фото любого уголка планеты в интернете, сферические панорамы улиц в гугл-картах – всё можно увидеть своими глазами. Переводя фрагмент про подземный переход в нью-йоркском зоопарке из «Над пропастью во ржи», мы нашли фото «медведей на маленькой горке», отыскивали карту зоопарка и проследили по ней маршрут персонажей – и уже не плутали в словаре синонимов русского языка: нужные слова сами вскакивали в наш перевод.

Со старояпонского переводили мы фрагмент о снежной горе из «Записок у изголовья» Сэй Сёнагон, от сленга американских подростков 1950-х перенесшись прямо в церемонный аристократический Хэйан, где слова не вымолвить без хитрого хонорифика. Как выразить почтение к поступкам вышестоящего в третьем лице? А как передать в переводе, что говорящий принижает себя?

Как выяснилось позже, после первого же занятия с нашего семинара ушли несколько старшеклассников. Семинары ШЮФ часто теряют треть первоначальной аудитории к концу первого семестра по разным причинам. В данном случае причина нам известна:

люди решили, что курс рассчитан на детей, так как мы на затравку привели классический пример переводческой отсебятины из «Властелина колец». Мы изумились: во времена нашей юности «ВК» читали как раз в старших классах! Оказывается, сейчас многие читают его еще в начальной школе.

Как бы то ни было, с кокни наши ШЮФовцы знакомились на столь же «детском» материале – серии книг о Гарри Поттере – и старались перевести просторечие так, чтобы перевод не походил ни на развеселую частушку, ни на агрессивную речь завсегдатаев дворовых скамеек. Как переводить просторечие, если в оригинале «неправильно» обычно произношение? Коверкать в переводе русские слова? Но как быть, если слово с пропущенным начальным *h* переводится словом, где никакого *h* вообще нет?.. Напихать в перевод слов-паразитов, просторечия, да погуше?.. Отмахнуться от «неправильности», сложить лапки и перевести чистым выхолощенным языком (мало ли что там автор хотел сказать о персонаже такой кривой речью)? Допустимо ли переводить региолект трясанкой, как сделал Андрей Замитов с кансай-бэн в рассказе Харуки Мураками «Yesterday»? Тут как нельзя кстати пришелся соответствующий фрагмент из «Высокого искусства» Корнея Чуковского.

Так мы потихоньку подобрались к переводу мультфильма Душана Кастелица «Škorja an' kafe» (2008), основанному на одноименной песне словенского барда Изтока Млакара. Даже для словениста это работа непростая: вся песня написана на диалекте, причем в ней есть и лексические диалектизмы, практически непонятные для словенцев – не носителей диалекта, и общесловенская разговорная (не сниженная) лексика, и фразеологизмы. Кроме того, для многих это был первый опыт создания субтитров. С этим заданием успешно справились лишь трое участников нашего семинара. Тем не менее, остальные активно участвовали в обсуждении – видимо, им помешало не отсутствие интереса к переводческой задаче, а лишь робость.

Не менее сложной задачей был перевод пародии поэта XVIII века Ота Нампо на классическое танка Ямабэ Акахито о любовании заснеженным Фудзи. Искушенному читателю из наших переводов должно быть ясно, что это пародия на конкретное произведение; значит, надо опираться на существующие переводы пародируемого текста, да к тому же сохранить комический контраст высокой поэзии и примитивного юмора пародии...

Вместе с Мартином Лютером и его «Посланием о переводе» мы поразились живучести буквального перевода священных текстов. Дома наши ученики вдумчиво листали Синодальный перевод Нового завета с точки зрения перевода, и мы, вспомнив славное палеославистское прошлое, разбирались на занятиях, что на самом деле означали

найденные ими грецизмы и синтаксические гебраизмы – и зачем было оставлять их в переводе.

Совершенно иной, творческий подход к священным текстам рассмотрели мы на примере классических спиричуэлов – а заодно, уже умудренные работой с просторечием и диалектом, познакомились с афроамериканским английским. Тут уже стало ясно, что наибольший интерес у участников семинара вызывает поэтический перевод – перевод песен. Мы весело сравнивали русские переводы иноязычных популярных песен с оригиналами, причем разброс был от «There Is a Tavern in the Town» 1883 года до современной внутрифэндомной песни по вселенной «Undertale». Нам стали приносить собственные переводы песен и слэм-поэзии.

Мы не требовали никакой дополнительной активности, кроме работы на занятиях и переводов дома по подстрочнику. Тем не менее многие участницы семинара радовали нас, по своей инициативе выступая с докладами. Так, Александра Вириевич познакомила нас со стихотворением А. Мицкевича «Widok gór ze stepów Kozłowa» и историей его русских переводов, подробно разобрав переводческую трактовку М. Ю. Лермонтова (кроме него, оказывается, за стихотворение брались также Н. П. Семёнов и П. А. Вяземский). Вероника Минина, сумев абстрагироваться от перевода имен собственных, представила подробный разбор-сопоставление фрагмента «Гарри Поттера и ордена Феникса» в оригинале и переводах «Росмэн» и Марии Спивак. Екатерина Харитоновна проанализировала официальный и любительский русские переводы фрагмента романа «Z – значит Захария» Роберта К. О’Брайена.

Фонетически и ритмически безупречные «Funiculi, funiculà» в переводе Екатерины Харитоновой и «Let It Go» в переводе Евгении Семенович так восхитили всех нас, что после традиционного разбора мы всем семинаром спели оба перевода в аудитории – а затем выступили с ними на Дне науки ШЮФ. Выбирая название для нашего импровизированного хора, ученицы настояли на варианте «Девы Марии».

В следующем учебном году мы открыли семинар «Лингвострановедение в песнях». Но это уже совсем другая история.